

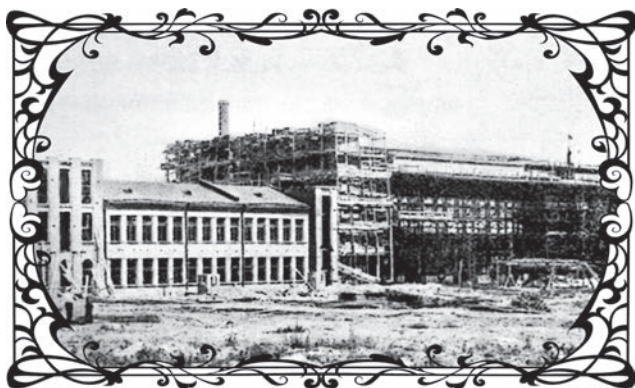
• РЕТРОМИНИ •

Црина Лобусова

букет из Оперного театра

Харьков
«Фоліо»
2020

Одесса, весна 1918 года

ГЛАВА 1

В павильонах кинофабрики «Мирограф». Синяя орхидея. Последняя сцена мадемуазель Карины.

Кража алмазов Эльзаканиди

Яркие лампы съемочных камер выключили, и по павильону кинофабрики тут же разлилась пленительная прохлада, пришедшая с моря. В перерыве между съемками стоял такой шум, что сложно было не только понять какие-то слова, но и перекричать этот оглушающий, пестрый и все же пленительный хор. Стая девушек-статисток в шелковых шальварах толпилась вокруг помощника режиссера, пытаясь шутками привлечь его внимание.

Снимали восточную драму из жизни персидского шаха под рабочим названием «Любовь и смерть», и

съемочные павильоны были разукрашены разноцветными шелками костюмов актеров, которые, тем не менее, все равно нельзя будет разглядеть в фильме, ведь там были только два цвета — белый и черный, и пестрые, многоцветные в жизни одеяния статисток сливались в фильме в единую темную полосу.

Актрис, изображавших наложниц шахского гарема, было не много — большая массовка еще не помещалась в кадр, несмотря на то что некоторые экспериментаторы изо всех сил пытались расширить возможности камер, работая и с движением, и с ракурсом. Однако это было достаточно сложно. Из-за дороговизны киносъемочной пленки сцены снимались сразу набело, без всяких подготовительных дублей и кадров, а потому делать это приходилось с того самого ракурса, который был самым удачным в предыдущий раз. Фильмов снималось много, и работа операторов была доведена почти до автоматизма, чтобы не тратить лишнее количество драгоценной пленки, а сразу выдавать готовый качественный результат.

Больше всего все актеры, участвующие в сценах фильма, обожали момент, когда на съемочной площадке выключали лампы-прожектора, которые были такими горячими, что могли обжечь кожу. От них немилосердно растекался грим, и лица сразу становились похожими на подтаявшую восковую маску. И его снова и снова приходилось поправлять.

Когда же выключали лампы и камеру, и режиссер подавал знак, что сцена снята, в воздухе тут же разли-

вался благодатный шум того неповторимого мира, который навсегда изменял жизнь тех, кто хоть раз прикоснулся к нему.

Это за стенами павильонов кинофабрики свирепствовали разруха, голод, война, погружая рухнувший мир в пучину отчаяния и хаоса. Здесь же царил мир совершенно другой — живущий по своим собственным законам, не имеющий ничего общего с печальной реальностью.

Двое мужчин прогуливались вдоль дорожек сада, окружавшего стеклянный павильон. Стояла середина весны, воздух был кристально чистым и свежим, в нем только-только появился аромат распускающейся зелени, особенно остро и пряно чувствовавшийся именно здесь. Павильоны кинофабрики специально были построены в самом красивом месте, над морем, с тем, чтобы внутри всегда был самый лучший свет. А полоса далекого моря с обрывом казалась сказочным царством вдохновения, способным побудить к любым подвигам. В том числе и к самым тяжелым в новом виде искусства, которое только пришло в мир.

Но несмотря на красоту, мужчины были сосредоточены и хмуры, и, судя по выражениям их лиц, они не замечали ни красивого весеннего дня, ни моря, сверкающего, как драгоценность в свете солнца, ни даже стайки кокетливо одетых в восточные костюмы девиц, которые все норовили специально попасться им на глаза.

— Не нравится мне все это... — хмурился деловитый и серьезный режиссер фильма, молодой мужчина

с растрепанной черной как смоль бородой. Несмотря на молодой возраст, он уже успел прославиться благодаря множеству картин, снятых на фабрике. Среди всех режиссеров кинофабрики «Мирограф» он считался одним из лучших.

— Не нравится мне все это... — повторил он, — говорите, что хотите, но она мне не нравится! Дрянь баба! Так и задушил бы своими собственными руками! Из-за нее уже столько пленки испорчено. Запрет она весь фильм, вот сами увидите.

— Дорогой мой, я деньги не печатаю, и с неба они ко мне не падают, — снисходительно улыбнулся мужчина постарше, в котором можно было узнать владельца кинофабрики «Мирограф» Дмитрия Харитонов, — на сегодняшний день эта Карина — лучший вариант. Она стоит дешево — потому что местная. Известна в городе по выступлениям в кабаре. И люди с удовольствием придут на нее посмотреть.

— Да она вообще не актриса! — вспыхнул режиссер, — так, подстилка бандитская! С кем она там шляется, с Котовским? Ее просто в шею надо отсюда гнать!

— Ты язык-то придержи, — нахмурился в ответ Харитонов. — Мне неприятности не нужны. Доснимешь картину — и выгонишь, куда захочешь. А пока...

— Над нами будут смеяться, — угрюмо тянул свое режиссер, — она ничего не понимает. Ни пластики у нее нет, ни грации. Двигается, как корова. Глаза тупые. Один гонор. А гонор в пленку не впихнешь.

— Не грусти, — Харитонов покровительственно хлопал молодого режиссера по плечу, — есть у меня

один план — пальчики оближешь! Я скоро буду добираться до Москвы. Потолкую кое о чем с Луначарским. И, если получится, привезу тебе тех, о ком ты и мечтать не можешь! Вот погоди!

— Я догадываюсь, кого вы хотите привезти! — засиял всеми красками режиссер. — Это будет удача так удача! А вы уверены, что получится? Вы разве знаете Луначарского?

Харитонов только ухмыльнулся. Но в тот же момент их беседу нарушили громкие женские крики, доносящиеся из стеклянного павильона. Выделялся визгливый вульгарный женский голос, судя по всему, выкрикивающий ругательства, — из-за расстояния они были неразборчивы.

— Вот видите! — сокрушенно вздохнул режиссер, — ну как, скажите на милость, все это выносить?

Харитонов и режиссер поспешили на крики. В стеклянном павильоне ругались две девицы. Они потрясали кулаками, выкрикивая самые грязные простонародные оскорбления знаменитых одесских торговки — тут они звучали уже очень разборчиво, к вящему удовольствию присутствующих при этом спектакле.

— Мадемуазель Карина, держите себя в руках! — Зычным голосом режиссер попытался урезонить яркую брюнетку с пышной грудью, вызывающе проступавшей сквозь шелковый восточный костюм.

— Да она... да халамидница проклятая... да к моим вещам... своими зараженными кривыми руками... — загудела брюнетка, — она мои сережки пыталась стырить, вошь вороватая!

ГЛАВА 1	3
В павильонах кинофабрики «Мирограф». Синяя орхидея. Последняя сцена мадемуазель Карины. Кража алмазов Эльзаканиди	
ГЛАВА 2	20
Статистики Оперного театра. Третий букет. Шпионские страсти и бандитское подполье	
ГЛАВА 3	36
Прима-балерина Ксения Беликова. В кабаре «Ко всем чертям!» Тайна нового владельца. Красавец-актер Петр Инсаров. Отвратительное предложение	
ГЛАВА 4	54
Провал на съемочной площадке. Женская ссора. Куда делись алмазы Эльзаканиди? Подслушанный разговор и уничтожение букета	
ГЛАВА 5	72
Где орхидеи? Второе убийство. Допрос Тани	
ГЛАВА 6	89
Элегантная дама в купе поезда, следующего в Одессу. Прибытие звезды. Предчувствия актрисы. Разговор Тани с Японцем. Афиша в его кабинете	
ГЛАВА 7	105
Налет во время бала Городской управы. Таинственное возвращение колье. Цветы от Мишки Япончика. Пропажа алмазной броши мадам Франже	

ГЛАВА 8	123
Съемки фильма «Княжна Тараканова». Рассказ горничной об убийствах актрис. Исчезновение кольца с сапфиром. Угрызения совести	
ГЛАВА 9	140
Концерт в театре «Гротеск». Первая встреча королевы экрана и короля воров. Страшная новость — сплетня о любовнике Соньки Блюхер. Новый владелец кабакаре	
ГЛАВА 10	154
Двор на Косвенной улице — прибежище Золотого Зуба. Встреча Володи и Тани	
ГЛАВА 11	169
Новая гастроль Призрака. Страдания Тани. Подозрения Володи Сосновского. Бал у губернатора для баронессы Ольги фон Грир. Осенний букет	
ГЛАВА 12	185
Шпионские страсти бурлящей Одессы. Встреча на балу. Неудавшаяся кража. Третья смерть	
ГЛАВА 13	202
Соглядатай Веры Холодной. «Мишка Япончик сохнет по вам». Ночной разговор с бандитским королем. Появление в Одессе Анри Фрейденберга и карательные меры Гришина-Алмазова	
ГЛАВА 14	219
Торжественный концерт в честь французских властей. План Тани. Знакомство с Верой Холодной. Арест Стрижа	
ГЛАВА 15	234
Таня в руках солдат. Вмешательство Веры Холодной. Любовь Анри Фрейденберга. Уличные дети Молдаванки	
ГЛАВА 16	249
Облава на Запорожской. Расстрел. Похороны Стрижа. Рассказ Тучи	
ГЛАВА 17	265
Разговор с сестрой Соньки. Тропа мертвецов. Злые духи катакомб. Подземный ход в бывший дворец губернатора	

ГЛАВА 18	282
Первый выпуск газеты. Секретное совещание. Новый сыщик из Киева. Возвращение Трацона. Покушение на Гришина-Алмазова. Взрыв	
ГЛАВА 19	297
Прогулка на яхте. Мальчишки в порту. Расстрел уличных пацанов	
ГЛАВА 20	315
Смерть Хача. Склад оружия. Правда о Призраке. Цветочная оранжерея сумасшедшего убийцы	
ГЛАВА 21	331
Сплетни о романе актрисы. Императорская купель. План Тани. Ржевский-Раевский нашел кандидатуру на убийцу актрис	
ГЛАВА 22	348
Литературные вечера Одессы. Рассказ художника о киевских застенках. План провалился. Крыса в банде Японца	
ГЛАВА 23	364
В катакомбах — ловушка. Разговор на балу — вся правда о крысе. Володя спешит за помощью к Японцу. Конец Золотого Зуба	
ГЛАВА 24	381
Спасение Тани. Настоящее имя Призрака. Секреты шпиона большевиков. «Уморить красную королеву». Тania и Володя опаздывают в отель «Бристоль»	
ГЛАВА 25	398
Смерть Веры Холодной. Похороны актрисы. Конец Ржевского-Раевского. Третье исчезновение Володи. «Ваши пальцы пахнут ладаном» — прощание с «той, кого станет помнить всю жизнь»	